

A movie poster featuring a woman with long, wavy brown hair and blue eyes (Zlata Zorich) looking directly at the camera. A man with dark hair and a beard is leaning in from the right, looking intensely at the camera. The background is dark with red lighting accents.

Злата Зорич

Отомстить

**НЕЛЬЗЯ
ПОМИЛОВАТЬ**

ОН УНИЧТОЖИЛ МОЮ ЖИЗНЬ.
ТЕПЕРЬ Я **РАЗРУШУ** ЕГО.

Злата Зорич

**Измена. Отомстить
нельзя помиловать**

«Литнет»

2025

Зорич З.

Измена. Отомстить нельзя помиловать / З. Зорич — «Литнет», 2025

Отомстить нельзя помиловать — где поставить точку? А может лучше поставить точку в наших отношениях? В нашем якобы счастливом браке, длиною в двадцать лет? — Игорь, зайти в чат, мне нужна твоя поддержка! Ты можешь включиться в жизнь своей дочери? — Адель, я занят. Разбирайтесь без меня. «Игорь Т. отправил изображение». Я нажала — и сердце оборвалось. Роскошная женская грудь на фоне плитки, которую я лично везла из Италии. Он хотел отправить это другу. А отправил в родительский чат. Любимый муж. И моя лучшая подруга. Меня предали самые близкие. Двойной удар, который сбил меня с ног. Всё, что казалось незыблемым, исчезло. И тогда я поклялась: я заставлю их обоих пожалеть.★ Отметка «Нравится» для меня огромная поддержка! Добавляйте книгу в библиотеку, чтобы не потерять. Буду рада вашим комментариям

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Глава 1

Я уже не помнила, который это был по счёту спор по поводу дурацких ленточек для выпускного. У кого-то из детей аллергия на синтетику, кто-то из родителей принципиально против красного. Удивительно, сколько страстей может вызвать жалкий кусок атласной ткани.

Я успела миллион раз пожалеть о том, что вписалась в основной состав родительского комитета десять лет назад. К сожалению, время назад не отмотаешь, да и я была не из тех, кто сбегает от ответственности. Но чем ближе был выпускной, тем чаще у родителей сдавали нервы. Я тоже не железная. Последние несколько дней чат просто кипел.

Увидев, что воскресным утром сообщений набралось уже под пять сотен, я чуть не выронила кружку с недопитым кофе. Нужно было взять себя в руки и разгрести все, что нафлудили за ночь. Увы, любые обсуждения постоянно скатывались в банальную перепалку.

— Вы серьёзно? — мои пальцы яростно стучали по экрану. — Мы уже третий день обсуждаем цвет грёбанных ленточек, а дату репетиции так и не утвердили! Это вообще нормально?

Секундная пауза — и чат родителей выпускников 11"А" класса взорвался. Посыпались сердечки, стикеры, обиженные комментарии.

"Адэль, а почему вы всегда всем указываете?"

"Она права, это праздник наших детей, а не повод устраивать скандалы!"

"Не понимаю, Адэль, зачем вы вообще участвуете, если вас всё бесит?"

"Давайте просто голосовать!"

Я почувствовала, что закипаю.

— АдЕль, — процедила я сквозь зубы. — Через Е, почему они десять лет не могут запомнить? Господи, как же всё достало...

— Игорь! — крикнула я, не отрываясь от экрана. Пора было привлекать к переговорам тяжелую артиллерию — моего мужа. — Зайди в чат, посмотри, что пишут! Поучаствуй! Это же выпускной нашей дочери, в конце концов!

Ответом мне была привычная тишина. Только тихое клацанье клавиш доносилось из закрытого кабинета.

— Дорогой, ну можешь ты хоть раз включиться? — снова позвала я, на этот раз еще громче. — Можешь хоть раз поддержать меня? Просто зайди в чат и напиши: "Адель права"! Это займёт десять секунд!

— Я работаю! — заорал в ответ раздраженный муж.

— Утром в воскресенье?

— Не морочь мне голову ерундой! Сами разберетесь.

— Разберёмся, конечно, — пробормотала я себе под нос. — Только всё, как всегда, на мне...

Неужели мне одной нужно, чтобы у нашей принцессы получился настоящий праздник, который останется в памяти на долгие годы?

Я подождала немного, надеясь, что у мужа все-таки проснется совесть, но он упрямо молчал. Но и я не собиралась сдаваться.

— Мне не хватает одного голоса. Поставь лайк, я тебя умоляю. Это все, о чем я тебя прошу!

И как будто в ответ — в чате всплыло новое сообщение. От Игоря.

Картинка. Я сразу же нажала на нее, решив, что это, наверное, фотка с ленточками. Успела даже обрадоваться, что муж наконец-то решил вмешаться и меня поддержать.

Никаких ленточек там, разумеется, не было...

Это был скриншот переписки с подписью «Глянь, какая соска меня теперь после работы встречает####». В самой переписке обнажённое фото с подписью внизу: «Хочешь меня снова сегодня вечером?». А чуть ниже его ответ: «Ты даже вкуснее, чем в студенчестве».

Мозг моментально подкинул мне разгадку того, что только что произошло. Игорь хотел отправить скриншот своей переписки с любовницей другу, чтобы похвастаться, но из-за того, что я все время его отвлекала, перепутал и случайно отправил в родительский чат...

Кто-то успел поставить смайлик. Кто-то запостить знак вопроса.

Этот скрин увидели десятки людей, родители одноклассников нашей дочери. Большого унижения для меня было бы сложно представить.

Тут же скриншот прямо на моих глазах растворился, исчез.

Я застыла. Палец завис над экраном.

Что я сейчас видела? Это был розыгрыш? Глюк? Мне... показалось?

Я медленно опустила телефон и вдруг услышала, как громко стучит сердце. В ушах — звон. Руки вспотели. Я тупо смотрела на экран, пытаюсь понять, точно ли увидела то, что увидела.

Я не знала, что делать — ворваться в кабинет к Игорю? Потребовать объяснений? Наорать на него, вырвать телефон, чтобы убедиться?

Или подождать, пока Игорь сам мне все объяснит? Ведь должна же быть какая-то разумная причина для всего этого...

Но внутри уже начала подниматься волна. Не ярости даже — ужасающей догадки.

Я прикрыла глаза и в памяти сразу всплыла увиденная в скриншоте фотография. Женская грудь, едва прикрытая полотенцем. Размытая, будто сделана наспех. Без лица. Только пухлые яркие губы, прикушенные хищными зубками.

Но мне было важно другое. На плитке за спиной женщины был редкий узор. Мелкие серо-розовые разводы на молочном фоне. Уникальный рисунок. Мы выбрали его вместе с Жанной после многочасовых просмотров каталогов. Потом я лично ездила в Италию за плиткой. Моя лучшая бригада делала этот ремонт «от» и «до» по моему собственному проекту. Я тогда смеялась, что ванная у подруги выйдет гораздо роскошнее моей.

Я не увидела лица, но мне это и не нужно. Я знала ванную, в которой сделали фото, до мельчайших подробностей. Знала даже это чертовое полотенце, которое прикрывало грудь. Его я тоже привезла ей из Италии.

Я прижала погасший телефон к груди — сердце колотилось, будто я бежала. Всё внутри меня сжалось.

А Игорь?...

В последнее время он часто задерживался на работе. Сначала — просто на час. Потом — «совещания», «форс-мажоры», «подвезти коллегу». А пару раз и вовсе приходил после полуночи, едва пробормотав что-то о срочных переговорах. Я верила. Не хотела казаться подозрительной женой. Да мне и некогда было следить за ним — своих дел всегда по горло. А же активистка, «вечная отличница». Вожу дочь по многочисленным кружкам и подготовкам, выбираю для нее университет, слежу за домом и параллельно строю свою карьеру в сфере дизайна.

Кроме того, мне всегда было важно сохранять доверие в отношениях. Я даже гордилась тем, что никогда не ограничивала свободу мужа. И при этом всегда твердо верила в то, что он верен мне так же, как я верна ему. Наши друзья, семейные пары, одни за другим разводились, но мы были незыблемы.

Только теперь до меня начало доходить — все это было ложью. Вся моя жизнь.

Мой двадцатилетний идеальный брак. Дружба, которую мы с Жанной пронесли через годы.

Я резко встала. Тело действовало быстрее разума. Нужно было дышать. Ходить. Понять, что делать. Как... жить теперь. В соседней комнате сидел мужчина, который предал меня самым гнусным образом.

Я подошла к двери его кабинета и замерла. Оттуда не доносилось ни звука — всепоглощающая тишина. Как будто он тоже замер, затих, осознавая последствия своего поступка.

В нашей уютной и светлой квартире теперь поселилась тишина. В которой особенно хорошо было слышно, как рушится что-то очень важное.

Я прикрыла глаза. Навязчивое видение снова всплыло — грудь, едва прикрытое полотенцем, на фоне элитного керамогранита.

Я всё делала для них. Для него и для неё. Не жалея.

А они всё это растоптали. Мое доверие стало для них удобной ширмой.

Пальцы сжались в кулаки. Нет, я не закатила истерику — боялась разбудить спящую в своей комнате дочь. Не влетела в его кабинет с криками.

Я должна была хорошенько подумать и решить, что же я буду делать дальше. Понять, как теперь жить с этим новым знанием.

И что делать с человеком, который был мне ближе всех.

Отомстить нельзя помиловать...

Глава 2

Я резко вздрогнула от шороха — дочь, зевая, вышла в коридор и обнаружила меня, застывшую у кабинета отца.

— Мам, ты что это тут делаешь? Пошли, посмотрим платье. Я ночью еще парочку нашла, — Милана посмотрела на меня с недоумением.

— Ночью спать надо, — бросила я по-родительски назидательно и поплелась вслед за дочерью.

Я с трудом могла сфокусировать взгляд на нарядах, которые она мне показывала. Тело гудело, как после удара.

Мой мир рассыпался, но никто этого не замечал.

Остаток воскресенья прошёл как в тумане.

Игорь вёл себя так, словно ничего не произошло. Ни словом, ни жестом никак себя не выдал. Улыбался за завтраком, нудно рассказывал о каких-то скидках на авиабилеты, мазал бутерброды.

А я сидела и думала: «Если бы кто-то сейчас увидел нас — сказал бы: идеальная семья.»

Да, наш фасад был безупречен. Только за ним скрывалась ложь.

Поев, Игорь сразу же ушел обратно в кабинет — перед этим мельком чмокнул меня в щеку. Дежурно, машинально. Раньше этот поцелуй был теплом. Привычной точкой отсчёта начала нового дня. А теперь...

Теперь от этого поцелуя меня передёрнуло. Будто обожгло. Хотелось вытереть щеку, стереть прикосновение. Содрать кожу.

Я стояла у раковины, раскладывая чистую посуду, когда зазвонил телефон. Номер знакомый — мама одноклассницы Миланы. Мне было страшно отвечать, но деваться некуда — не буду же я теперь вечно прятаться от всех родителей, которые были в чате. Однажды придется как-то все объяснить...

— Адель, привет, ты чего молчишь? — весело начала женщина. — Мы всем чатом переругались уже, а ты ни слова. Ты вообще с нами?

— Но ты же видела, — прошептала я. — Все видели. Этот скрин... с фото...

— Скрин? Какой скрин? Я ничего не видела...

Кровь стучала в моих ушах от волнения. Что это значит? Мне, что показалось?

— Кто-то что-то скидывал, да, но я даже посмотреть не успела, там же столько всего накидали! Я думаю, это чья-то шутка. Я даже не поняла...

Воздух в комнате стал вязким. Рука дрогнула, телефон чуть не выскользнул.

— Ты... его видела?

— Ой да ничего я не видела. Кто-то, кажется, сразу удалил. Что с тобой? Ты в порядке? Сославшись на занятость, я быстро свернула разговор. В окно било яркое весеннее солнце, а я пыталась уговорить панику.

Что, если это был сон? ошибка? галлюцинация?

Но нет. Я же запомнила каждую деталь. Стоит мне прикрыть глаза, как я снова вижу перед собой это фото с похабной подписью. Как теперь это забыть?

И всё равно — внутри меня начало зарождаться сомнение. Или это была надежда?

Весь остаток воскресенья прошёл как в тумане. Милана писала эссе в своей комнате (ну или, как обычно, сидела в телефоне), Игорь заперся в кабинете, а я затеяла уборку, чтобы чем-то занять руки и успокоить мятущийся разум.

Или, может, я хотела найти какие-то улики? Какие-то реальные вещи, которые можно подержать в руках и которые явно свидетельствовали бы об измене? Нечто большее, чем глупый скриншот, растворившийся прямо на моих глазах.

Когда вечером мы легли в постель, Игорь сразу же отвернулся к стенке и быстро заснул. Или сделал вид? Пахло его шампунем, дезодорантом, его телом — знакомым до мелочей.

Я лежала с открытыми глазами на самом краешке, не желая даже к нему прикасаться. Рядом — человек, с которым я делила кровать долгие двадцать лет.

А теперь его прикосновение вызывало отвращение. Его теплое дыхание рядом — боль. Рядом лежал предатель. А я всё ещё была его женой.

Утром я вдруг вспомнила — на прошлой неделе Милана принесла домой новый гаджет. Маленькое устройство размером с пуговицу, которое она хотела спрятать в рукав на экзамене, чтобы подслушивать ответы. Я, конечно же, запретила. Отругала, отобрала и спрятала в ящик с документами. Сказала, что обманывать нехорошо.

И вот сейчас он мог бы пригодиться.

Я торопливо прошла в спальню. Открыла ящик, нашла устройство и нажала на кнопку. Маленький светодиод мигнул. Работает. Сердце стучало, как перед прыжком с высоты. Я должна была знать. Не догадываться, не мучиться, не додумывать. Знать точно.

— Игорь, подожди, — позвала я, потому что муж уже собирался выходить. — Хочу пожелать тебе хорошего дня!

Муж удивленно обернулся. Я притянула его к себе и крепко-крепко обняла.

И прикрепила значок.

— Ну всё, я побежал, — сказал он, отстраняясь от затянувшегося объятия. — Уже опаздываю. До вечера.

Я понимающе кивнула. Он ушёл.

Я подождала несколько секунд, накинула пиджак и выбежала следом.

Он ехал быстро, уверенно лавируя между машинами. Торопился. Но он не опаздывал на работу — до начала рабочего дня у него было еще целая куча времени, кроме того, владелец своей компании и не обязан приходить в девять ноль ноль.

Но он ехал не на работу. Не туда, где находился его офис.

Я знала этот маршрут. Но всё равно на что-то надеялась...

Пожалуйста, пусть это окажется неправдой. Пусть я сошла с ума. Пусть я сейчас увижу, что он просто пошёл пить кофе с партнёрами или ему нужно что-то купить... или... Пусть будет какое-то разумное объяснение этому.

Каждый поворот, каждый светофор подкидывал последнюю надежду: вдруг не туда. Вдруг он свернёт. Вдруг едет в офис. Вдруг...

Но машина свернула на знакомую улицу. У меня пересохло в горле.

Да, мы направлялись напрямиком к Жанне.

Игорь припарковался возле ее подъезда и почти побежал к двери, чуть ли не подпрыгивая от нетерпения.

Я встала рядом, включила звук на телефоне — приложение ловило сигнал с устройства.

И спустя несколько тягостных минут услышала:

— Черт возьми, я так соскучился! Эти два дня без тебя — это не выходные, это пытка. Надо было плюнуть на все и приехать. А ты еще посылаешь такие фотки... Я не выдержал, сорвался к тебе до работы, хоть на десять минут тебя обнять...

Раздался знакомый смешок, потом звуки сочных, слюнявых поцелуев. Её голос:

— Обнять? Только обнять или...

— Мы успеем! — муж жадно засопел в микрофон. — Давай быстренько... Задирай халатик. О, ты там уже голенькая...

— Ты с ума сошёл... — заливисто смеялась Жанна, и я ясно слышала в ее голосе торжество. — Теряешь голову! А если Адель догадается?

Он рассмеялся:

— Адель ничего не видит дальше своего носа, ты же знаешь. Как всегда. Ей не до этого. Совсем уже чокнулась со своим выпускным.

Я даже не сразу поняла, что по щекам текут слезы.

Я не сошла с ума. И не ошиблась. Это действительно происходило. Прямо сейчас.

Звук в телефоне продолжал идти — её смех, его голос, шёпот, стоны, от которых меня замутило.

Слёзы текли по щекам. Я задыхалась от боли. Мне казалось, что я не смогу этого пережить. Что мое сердце разорвется, и я умру прямо здесь, в машине, под окнами моей лучшей подруги и, по совместительству, любовницы моего дорогого супруга. Под звуки поцелуев и стонов, которые доносились с динамика так четко, словно я сама была там.

И вдруг — раздался тихий, осторожный стук в стекло со стороны водителя.

От неожиданности я вскрикнула, дёрнулась всем телом. Телефон выскользнул и с грохотом упал куда-то вниз.

Глава 3

Я увидела за стеклом лицо и снова вскрикнула — громко, испуганно, будто меня застали на месте преступления. Кто-то стоял возле моей машины, держа ладонь на стекле и глядя прямо на меня.

— О господи... — я откинулась назад, зажала рот ладонью. — Ты так меня напугал!

Это был Макс — сын Жанны. Он сильно изменился с тех пор, как я видела его в последний раз, поэтому я с трудом его узнала. И меня поразило то, каким взрослым он стал.

Если бы двадцать лет назад существовала передача «Беременна в 16», Жанна, несомненно, стала бы ее героиней. По началу сына помогала растить ее мать, потом отец ребенка проявил инициативу. Последние несколько лет Макс жил один — с тех пор, как поступил в университет. Он вообще был не по годам взрослым и самостоятельным. Совсем не поход на непутевую маму.

Я быстро вытерла лицо и опустила стекло. Воздух, который ворвался в салон, показался мне ледяным.

— Простите. Я не хотел, — сказал Макс с улыбкой. — Я просто шел к матери, а тут вы... Я не успела ответить — из-под сиденья донёсся громкий, сладострастный стон.

Мой мозг взорвался от ужаса. Телефон! Чёрт! Я резко дернулась вниз, судорожно зашарила руками по коврику, не чувствуя пальцев.

— Всё нормально? — спросил Максим, наклонившись ко мне.

О нет, только не это. Он услышит! Что, если он узнает голос матери?

Покраснев до кончиков ушей, я бросилась искать телефон с утроенной энергией.

Где он? Где, чёрт побери?!

— Адель... — Макс открыл дверь машины. — Вам плохо?

— Нет! Нет, не подходи! — мой голос сорвался на визг. Я запаниковала. Руки не слушались, сердце билось где-то в горле.

А эти двое бесстыжих продолжали стонать. Звуки разносились по всему салону.

Выключить. Выключить сейчас же!

Наконец я нащупала телефон, дрожащими пальцами попыталась разблокировать экран. Несколько раз промахнулась. Меня бросало то в жар, то в холод, то снова в жар.

— Может, я помогу? — предложил Макс и наклонился, чтобы заглянуть в салон.

— Нет! — Я почти закричала. — Отойди!

Наконец-то воцарилась долгожданная тишина. Я посмотрела на чёрный экран и с облегчением выдохнула.

Потом вытерла оставшиеся слёзы, убрала волосы с лица.

— Извини за грубость. — пробормотала я, избегая его взгляда. — Просто... тяжёлый день.

Его взгляд снова скользнул по моему лицу, по заплаканным глазам, по дрожащим рукам, сжимающим телефон.

— Это видно. Может... я отвезу вас домой?

— Нет. Спасибо. Я доеду сама. Просто... мне нужно немного времени, чтобы успокоиться.

Я попыталась улыбнуться, но мышцы лица не слушались.

— Вам точно не нужна помощь?

Я покачала головой.

— Вы приехали к маме? — Макс кивнул в сторону подъезда. — Пойдемте вместе?

Я испуганно замотала головой. Нет, ни за что. Мне туда не надо.

— Ну ладно, — тихо добавил он. — Тогда я пошел.

Макс развернулся и направился к дому.

— Нет! — закричала я.

Он остановился. Обернулся.

— Послушай, — заговорила я торопливо, — сейчас не лучший момент. Жанна... возможно, она сейчас не одна.

— Не одна? — он прищурился.

— Я не хочу, чтобы ты туда шёл.

— Почему?

— Макс... Пожалуйста. Просто... доверься мне. Сейчас — не надо.

— Адель, вы ведете себя как-то странно... Вы точно в порядке?

Я снова вытерла слёзы, но только размазала растекшуюся тушь. Щёки горели от стыда, хотя мне-то как раз стыдиться было нечего. Я, в отличие от этих двоих любовничков, не сделала ничего противозаконного. Пока.

— Всё хорошо, Максим. Правда.

— Но вы плакали...

— Да брось... — я выдавила улыбку. — Подумаешь, женщина заплакала.

Он покачал головой, не отрывая от меня взгляда:

— Вас что-то сильно ранило. И если кто-то причинил вам боль...

— Макс... — Я нервно засмеялась, прерывая его. — Это не твоё дело.

Но он не отступал.

— Может, и не моё, но мне не всё равно. Я не могу просто уйти сейчас, зная, что вы сидите здесь в машине и плачете. И вас даже некому утешить...

От его слов сжалось горло.

Я отвела взгляд. Он такой... хороший. Мой муж в квартире его матери. И вот стоит её сын. И пытается быть моим рыцарем.

— Поехали отсюда, — вдруг неожиданно предложил Макс.

Я вскинула голову:

— Что?

— Я не могу отпустить вас одну. Поехали. Просто выпьем вместе кофе. Или прогуляемся.

— Давай я лучше тебя подвезу.

— К университету? Адель, вам точно это удобно...

— Да. Садись.

Сначала мы ехали молча. Я сцепила руки на руле и пыталась склеить мысли, отдышаться, прийти в себя после шока. И Макс словно почувствовал это — и первый начал говорить.

О чём-то лёгком. Ненавязчивом. Про университет, про какого-то чудака-преподавателя, про соседа по квартире. Он говорил легко, рассказывал интересно, с иронией. И я вдруг поймала себя на том, что улыбаюсь.

А потом Макс закончил какую-то очередную историю и рассмеялся.

И я засмеялась тоже. Первый раз — за долгое, слишком долгое время. Полчаса назад я рыдала, думая о том, что больше никогда не смогу даже улыбнуться, а сейчас...

— Ты умеешь отвлекать, — сказала я, бросив на него взгляд.

— Просто не люблю, когда грустят, — мягко ответил он. — Особенно, когда грустят красивые женщины.

Я опустила взгляд. Горло сдавило от неожиданной нежности в его голосе.

— Ну спасибо за комплимент...

— Там за углом есть маленькое кафе для студентов, — перебил меня Макс. — Очень уютное. Пойдёмте?

Я уже открыла рот, чтобы отказаться. Привычное «пора на работу», «много дел», «нет времени» вертели на языке. Но вдруг...

— Давай, — неожиданно согласилась я.

Внутри меня разливалось тепло. Макс был как костёр в промозглый день. И мне очень, очень хотелось быть к нему поближе и погреться хотя бы еще немного. Пока я с ним — я могу не думать о том, что случилось. О том, что моя жизнь разбилась на куски.

Максим улыбнулся. Эти огоньки в его глазах снова вспыхнули — не наглые и самодовольные, а тёплые, ласкающие.

Кафе оказалось действительно уютным — светлое, с потертыми диванчиками у окон, и лёгким студенческим гулом. Мы устроились за столиком, и Макс сразу пошёл заказывать — не спрашивая, что я буду. Вернулся с двумя капучино и каким-то пирогом.

— У них яблочный с корицей — фирменный, — сказал он с улыбкой. — А кофе — с коронным сердечком. Только для избранных.

Я чуть улыбнулась и взяла чашку, чтобы прикрыть дрожь губ.

Макс что-то рассказывал мне, изо всех сил отвлекая от пережитого шока. Я слушала в пол-уха, но постепенно оттаивала.

И вдруг зацепилась за его взгляд.

Искра.

Тонкая, почти неощутимая — она пробежала между нами, как ток по оголённым проводам.

В памяти всплыли мелочи, на которые я раньше не обращала внимания. Макс всегда относился ко мне по-особому. Я списывала это на обычную вежливость. Ставила себе внутренние шоры. Запрещала себе замечать намёки. Потому что это нелепо, странно, запрещено. Потому что возраст, статус, границы, приличия...

Но теперь... границы были размыты.

Глава 4

— Аделина Сергеевна... вы с нами?

Я вздрогнула.

Словно вынырнула из глубины, где не было ни воздуха, ни света — только гул собственных мыслей. На миг я даже забыла о том, где нахожусь.

Офис. Большой стол для переговоров. Экран на стене с открытым макетом. Несколько пар глаз, обращённых ко мне.

— Простите, — я слегка покачала головой и прижала пальцы к виску. — Немного задумалась. Продолжайте!

После короткой заминки собрание продолжилось, а я снова провалилась в свои мысли. Его голос — такой живой, искренний, тёплый... для неё.

«Я так соскучился... Выходные — это пытка... Не мог дожидаться, сорвался к тебе...»

Меня передёрнуло.

Их стоны в унисон. Горячий шепот. Казалось, эти звуки навсегда отпечатались в моей памяти — как ожог. Как проклятие.

У меня снова задрожали руки. В груди застрял ком. Мне так больно, что трудно дышать. Я вынуждена сидеть здесь с умным лицом, хотя внутри у меня прямо сейчас разбивается сердце. И режет своими острыми осколками легкие.

Глупо, как всё совпало — я узнала об измене накануне финальной презентации. Как назло, именно сейчас горит этот проект. Самый важный для меня. Самый дорогой в моей карьере. Квартира в Москва-Сити целиком «под ключ» для столичного инвестора Роберта Ильязова. Он сам вышел на нас — ему посоветовал кто-то из друзей. Это была неожиданная удача. Не шаг даже, а целый скачок на новый уровень.

Только вот всё это теперь казалось мне совсем неважным по сравнению с душевной травмой, которую мне накануне нанес любимый муж.

Я силой заставила себя включиться на работу. Только она способна меня сейчас вытянуть из этого болота бесконечных переживаний.

Сейчас не время для чувств. Не время для боли.

Работай, Адель. Работай. Деньги тебе точно еще пригодятся.

После презентации, которая прошла на удивление удачно благодаря моей способности в нужные моменты брать себя за горло и доводить задуманное до конца, Роберт задержался.

— Аделина, — сказал он мягко. — С вами всё хорошо? Сегодня вы словно... сами не своя. На предыдущих наших встречах вы были куда более разговорчивы.

— Простите. Да, я просто... — я на секунду замялась. — Сложный день. Семейные обстоятельства...

— Понимаю, — он кивнул. — Семейные обстоятельства бывают беспощадны. Я сам недавно прошёл через развод.

Развод? Это слово ударило как гром среди ясного неба. До этого момента я и не думала о нем. Все мои мысли заиклились на неожиданном предательстве самых близких мне людей. Я скорбела — по нашей любви, по многолетней дружбе, по прошлому, по разрушенному доверию.

Но вдруг — мысль, ледяная и пугающая: ведь Игорь, наверное, действительно захочет развода. Хотя нет, это же я должна этого самого развода захотеть! Подача заявления, суд... Дележ имущества. Самое тяжелое для меня только начинается.

— Да нет, — соврала я почти автоматически. — Я не про эти обстоятельства. У меня дочь выпускница. Понимаете, как оно бывает... Подготовка, экзамены, поступление. Дочь вся

на нервах, а я вместе с ней. Но спешу вас заверить, что на качестве моей работы это никак не отразится!

— О! — Роберт заметно оживился. — Понимаю! Даже больше, чем вы можете себе представить! У меня тоже сын выпускается. Это безумие! Еще большее безумие через ремонт с нуля в новой квартире.

Он заглянул в свой смартфон и развернул ко мне экран:

— Вот, смотрите. Я сделал ему таблицу: направления, вузы, бюджет, проходные баллы. Ещё выделил разными цветами — как-то же нужно его вовлекать.

Я неожиданно расплылась в умильной улыбке. Таблица была, правда, впечатляющей. В ней были даже пометки «мнение папы» и «мнение сына» в отдельных колонках.

— Вау. А вы... прямо включены в этот вопрос. На полную.

Роберт пожал плечами:

— А как иначе? Мне не хочется быть тем воскресными папой, которому говорят: «у нас всё нормально» и вешают трубку. Я стараюсь поддерживать нашу связь. Мы видимся почти каждый день. То обед, то прогулка, то хотя бы просто контрольный звонок. Не хочу быть картонной фигурой с алиментами.

И в этот момент внутри меня что-то оборвалось.

Игорь. Мой муж. Отец нашей дочери. Которому как будто всё равно на то, что сейчас она на пороге, возможно, самого важного выбора в своей жизни.

Он только один раз спросил: «Ну чё, она уже выбрала?» — и уткнулся в свой телефон, когда ему наскучило слушать мои рассуждения.

Он живёт в нами в одной квартире, одной семьей, но сам является кем-то вроде... сожителя с отдельной экосистемой. Его кабинет — его крепость. Там он проводит большую часть жизни, выходит только поесть. И иногда поорать на меня или Милану.

Физически он рядом, но душой — в соседней галактике. Иногда мне кажется, что я — мать-одиночка при живом муже.

А тут — мужчина, который сам составляет таблицы для своего непутевого сына. Не потому, что должен. А потому что ему это действительно важно.

— Вы классный отец, — сказала я и удивилась, насколько искренне это прозвучало.

Он чуть смутился, провёл рукой по затылку:

— Стараюсь. Знаете, мне кажется, что это единственный проект в жизни, который нельзя завалить. Всё остальное можно переделать, закрыть, исправить. А ребёнок — один. Срок сдачи — лет через двадцать. И лучше бы сдать в плюс.

Я усмехнулась:

— Говорите, как заправский строитель.

— Я и есть строитель. Я с этого начинал. Сейчас уже отошел от дел, но я все еще в акционерах своей первой строительной компании.

— Прямо как мой муж, — удивилась я. — У него тоже свой строительный бизнес. Правда, не очень большой.

Еще некоторое время мы взхлеб говорили про университеты. И я готова была бесконечно его слушать, чтобы хотя бы ненадолго забыть про тупую непроходящую боль в груди.

— У дочери уже истерики каждый раз, когда я «завожу свою шарманку», как она это называет! — призналась я своему неожиданному единомышленнику.

— Понимаю. Сын, правда, не в истерике, а в отрыве от реальности. Сидит в наушниках, уговаривает себя, что ЕГЭ — это иллюзия.

— Моя считает, что сможет хорошо устроиться и без образования. Хотя ей хорошо известно, что я, например, долго училась, чтобы сейчас зарабатывать на достойную жизнь.

— Вы в этом хороши, — сказал вдруг Роберт, лукаво прищурившись. — Я имею в виду... В дизайне.

Я чуть смутилась. Витала всю презентацию в своих мыслях — и вот в награду получила комплимент от заказчика.

— А вы тоже хорош — как заказчик. Не срываетесь из-за сроков, не критикуете форму розеток, не устраиваете драму из-за оттенка белого. Это редкость. Вы настоящий бриллиант.

— Я вообще не люблю драмы. А ваша дочь не хочет пойти на дизайн? — Роберт откинулся на спинку стула. — По вашим стопам?

— У неё аллергия на чертежи и на слово «сапромат». — я вздохнула. — На самом деле, она пока не знает чего хочет. И я, кажется, переживаю больше, чем она.

— У меня то же самое. Я знаю программы всех университетов лучше моего оболтуса... Кстати, — Роберт взглянул на экран телефона, — в субботу мы с сыном идём в МГУ на день открытых дверей. Его пока качает, так что бегаем по всем фронтам.

— Моя тоже мечется. То «буду журналистом», то «хочу в психологи», то вообще «ничего не хочу, хочу замуж».

— Вот и познакомим их.

Я чуть опешила. Приглашение прозвучало очень ненавязчиво и в тему, но всё равно...

— Спасибо, но... — я поправила папку с чертежами, словно хотела спрятаться за ней. — Наверное, не стоит. Мы же всё-таки... Вы мой клиент.

Я болтала с Робертом, совершенно позабыв о необходимой дистанции — слишком животрепещущей была тема, которую мы обсуждали. Я ему жаловалась, делилась личным, смеялась. Это не рабочий тон. Это неприемлемо.

— Ну и что? — Роберт пожал плечами. — Мы оба родители. И я вас пригласил не в ресторан, а на день открытых дверей. Это скучнейшее мероприятие. Не хочу мучаться одному.

Я невольно улыбнулась.

— Я подумаю.

— Хорошо. Тогда увидимся на согласовании планировки. Надеюсь, вы лично приедете на замеры квартиры. Прошу, не делегируйте никому этот важный процесс.

И подмигнул.

Я приподняла брови удивлённо, но не нашла что возразить.

— Это мой личный номер, — Роберт вдруг протянул мне визитку. — Напишите, если все-таки надумаете ехать на день открытых дверей... Ну или по любому другому поводу.

Я взяла, машинально поблагодарила. Он ушёл, а я осталась стоять с этой визиткой в руке, чувствуя себя школьницей, которую красивый одноклассник только что позвал вместе готовиться к экзаменам.

Только я — давно уже взрослая женщина, с усталым лицом и маячащим тяжелым разводом на горизонте. Мне не до подростковых трепетов.

Когда дверь за Робертом закрылась, в воздухе остался тонкий, терпкий шлейф его парфюма — уверенного, сдержанного, как и он сам.

А на меня снова опустилась вся та темнота, от которой я весь день убегала. Сначала меня отвлекала болтовня Макса, потом презентация, потом неожиданно душевный диалог с Робертом. Но всё это было как шумная обёртка, скрывающая один-единственный неприглядный факт.

Я вздохнула, глядя на дизайн-проект квартиры в Москва-Сити, которая должна была стать моим профессиональным триумфом, моей визитной карточкой, вершиной карьеры.

А в голове — только он. Игорь. С его фальшивым дежурным поцелуем этим утром. С тем, как легко он переступил через меня. Через нас.

Мне скоро возвращаться домой, где я снова его увижу... И мне нужно было решать что-то с этим прямо сейчас.

Глава 5

Я была уже на пол пути к дому, когда настойчивая вибрация телефона вдруг выдернула меня из вязкого потока мыслей. Я машинально ответила.

— Ты не забыла? — с напором спросила Жанна, даже не потрудившись с приветствием.

— Забыла... — честно призналась я. — А о чем?

— Ну конечно! — подруга сразу перешла на высокомерно-покровительственный тон. — Куда тебе помнить о дне рождения лучшей подруги! Ты же вся в своих переживаниях... Сегодня в восемь. Ресторан «Шатон». И смотри! Чтобы обязательно явилась. Ты очень нужна мне в этот вечер!

— В восемь, ага... Я буду, — я резко притормозила и свернула на ближайшем повороте. У меня еще есть время для того, чтобы привести себя в порядок и прибыть на место битвы во всеоружии.

И, кажется, у меня получилось. Волосы, уложенные мягкой волной, сияющая кожа, губы — сдержанно алые, чуть хищные. Белое шелковое платье с открытой спиной. Строгое, элегантное и одновременно с этим почти неприлично эффектное.

Когда я подъехала к ресторану «Шато», только гудящая боль в висках напоминала мне о том, каким сложным выдался для меня сегодняшний день.

Да, день был ужасным, но вечер должен стать моим триумфом.

Неужели я смогу притворяться, когда внутри меня все воет от боли?

Я расправила плечи и улыбнулась своему отражению в зеркале заднего вида. Что за сомнения, конечно, смогу! Я ни за что не позволю этим двоим увидеть мои слезы. Не доставлю им такого удовольствия. Они меня не сломают. Я им не по зубам.

Когда я перешагнула порог ресторана, на меня обрушилась мешанина из громкой музыки, смеха и звона столовых приборов. Жанна закатила роскошную вечеринку, на которую позвала всех, до кого только смогла дотянуться, и, наверное, рассчитывала стать королевой вечера. Но ее планы очень постаралась нарушить я.

Она сидела в центре зала, окружённая друзьями, светом и вниманием. Её платье было просто до неприличия коротким и показывало все и сразу — и грудь, и ноги. На лице сияла уверенная улыбка женщины, которая празднует победу.

До тех пор, пока она не увидела меня. В этот момент у нее самым натуральным образом отвисла челюсть.

Я не торопилась. Медленно шла по залу, позволяя взглядам скользить по мне. Пусть все хорошенько меня рассмотрят.

— Адель! Ты всё-таки приехала! — Жанна быстро взяла себя в руки и неискренне улыбнулась, демонстрируя белоснежные винирные зубы.

Не отводя от меня взгляда, сделала большой глоток, почти опрокинула полный бокал. Я заметила, как дрогнули её губы.

— Конечно! Как я могла такое событие пропустить! — я подошла, и мы расцеловались, изо всех сил изображая радость от встречи.

— Но как ты могла забыть про него? — с притворным возмущением набросилась на меня Жанна.

— Да я вообще позабыла обо всём на свете! Из-за нового проекта.

— Ох уж эти твои проекты, — она неодобрительно покачала головой. — Ты и про подарок, наверное, забыла?

— Нет, что ты! Я подготовилась сильно заранее! Тебя ждет большой сюрприз, — я заговорщицки подмигнула.

— Ты, конечно, выглядишь роскошно... — Жанна смерила меня оценивающим взглядом, зависть из которого так и сквозила. — Но ты вообще в курсе, что затмевать именинницу на ее празднике — это откровенно дурной тон?

Сказано это было легко, будто в шутку. Но было совершенно очевидно, что Жанна в бешенстве. Она привыкла быть той самой «красивой» подругой, а я всегда выполняла функцию «умной» в нашей паре. Так распределились наши роли еще в студенчестве, но теперь я не собиралась их соблюдать и великодушно позволять Жанне сиять на моем фоне. Я вообще-то тоже могу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.